

**Вопросы развития польского сельского хозяйства и
крестьянского движения на страницах журнала
«Аграрные проблемы». 1927-1935 гг.**

Неудача прямого штурма капитализма в 1917-1920 гг., поражение вооруженных выступлений коммунистов в Болгарии и Германии в 1923 г. со всей очевидностью показали вождям III Интернационала необходимость более основательной подготовки к социалистической революции, в том числе и путем завоевания новых союзников, прежде всего крестьянства. С этой целью в октябре 1923 г. в Москве была проведена Международная крестьянская конференция с участием 157 делегатов от 40 национальностей (включая проживавшие в СССР), признавшая «необходимость вступления международного крестьянства на путь революционной борьбы в союзе с революционным пролетариатом»¹. Конференция наметила основные пункты программы и стратегии революционной борьбы крестьянства в национальном и международном масштабе. Самым главным ее итогом можно считать создание Международного крестьянского совета (МКС, Крестьянский интернационал, Крестинтерн) в качестве центрального органа новой организации революционных борцов, которую еще предстояло сформировать, ибо на момент создания этого руководящего органа «не было никаких оформленных, солидных организаций, на которые он мог бы опереться. Эти организации нужно было еще создавать, и притом создавать в чрезвычайно трудной обстановке»².

В качестве первоочередных МКС определил для себя два направления деятельности. Одним из них он считал преодоление недоверия крестьянства к пролетариату, порожденного враждебным отношением социал-демократии к крестьянству. Другим, подготовку кадров организаторов и руководителей будущих массовых крестьянских политических организаций, особенно из среды бедноты, на которую Крестинтерн ориентировался в первую очередь. По прошествии немногим более года, МКС констатировал, что благодаря активной пропагандистской деятельности удалось достичь определенных успехов, «в целом ряде

¹ К пленуму Международного крестьянского совета // Крестьянский Интернационал. Орган Международного крестьянского совета (Крестинтерна). М., 1925. № 1-2. С.3.

² Там же. С.4.

крестьянских организаций различных стран мы видим в настоящее время возникновение левого крыла, которое идет навстречу лозунгам и выступлениям Крестьянского Интернационала. Эти группы не стали еще окончательно под знамя МКС, но они – иногда медленно, иногда быстро – идут по пути к такой группировке»³.

Международная крестьянская конференция приняла также решение об организации при МКС Международного аграрного института (МАИ)⁴. Цели и задачи МАИ определялись неоднозначно. Согласно уставу МАИ, это должно было быть преимущественно научное учреждение, в задачи которого входило бы

«1. Изучение аграрного вопроса и крестьянского движения в разных странах.

2. Содействие Крестинтерну и другим общественным, политическим и государственным организациям и учреждениям в части теоретической разработки и подбора материалов по отдельным вопросам, стоящим в их практике.

3. Популяризация теоретических и практических знаний в области аграрного и крестьянского движения. Для этого

Собирает и популяризирует материалы по всем отраслям аграрного вопроса и крестьянского движения в разных странах и организует их научную разработку.

Создает библиотеку, кабинеты для научных занятий и другие подобные органы.

Устанавливает связь как с научными, общественными, политическими, государственными организациями и учреждениями, так и с отдельными лицами.

Изучает отдельные вопросы, возникающие в практике связанных с институтом организаций и учреждений»...⁵.

Крестинтерн же делал акцент на политические функции МАИ. Т.Домбаль, один из создателей и руководителей МКС, выступая 17 апреля 1925 г. на II пленуме этой организации с докладом «Задачи и достижения Крестинтерна», так определил будущую деятельность Аграрного института: «МАИ будет лабораторией, где будут выковываться орудия против помещиков и капиталистов. Аграрный институт вместе с Крестинтерном кооперативов (МКС планировал создать такую организацию – Г.М.) станет звеном, которое, после завоевания власти в буржуазных странах крестьянами и рабочими, будет связывать город с деревней, будет связывать сельское хозяйство с промышленностью, станет

³ Там же. С.5.

⁴ Открытие МАИ // Аграрные проблемы. 1927. Кн. 1. С.174.

⁵ Устав МАИ // Крестьянский Интернационал. 1925. № 10. С.95.

органом, который будет изучать пути более тесной хозяйственной увязки, сотрудничества рабочих и крестьян... Аграрный институт должен будет раскрыть трудящемуся крестьянству истинное положение и указать те факторы, которые имеются в крестьянском движении, чтобы можно было сделать соответствующие выводы для усиления борьбы крестьян против капитализма»⁶.

Это несовпадение целей, ставившихся перед МАИ Крестинтерном, и уставом института, было столь очевидным, что не заметить его было просто не возможно. В условиях, когда СССР пытался нормализовать отношения с миром, создание еще одной подрывной структуры на его территории вряд ли способствовало бы этому процессу. Поэтому Крестинтерн внешне скорректировал свою позицию, хотя, по сути, она осталась прежней. Это хорошо видно из речи, произнесенной Т. Домбалем от имени президиума МКС на торжественном открытии института 8 марта 1926 г. Он заявил, что институт «ставит себе целью служить делу трудовых крестьян в противовес Римскому МАИ, основная задача которого – содействовать укреплению власти помещиков и капиталистов. В передовых слоях крестьянства с каждым днем ширится сознание, что без союза с наукой победить невозможно, что всякое стихийное революционное движение, не опирающееся на знание, обречено на гибель. Отсюда – решение заключить союз с лучшими представителями науки, готовыми отдать свои знания на благо трудящихся... Мы изучаем аграрный вопрос не только для того, чтобы внести свою лепту в науку, а для того, чтобы использовать эти знания в повседневной борьбе трудящихся за свое освобождение, чтобы дать крестьянскому движению твердую научную базу. Наш институт отличается от Римского аграрного института и тем еще, что он в своих исследованиях будет исходить из незыблемых положений научного марксизма ... Одна из его основных задач – исследовать процесс революционной борьбы и перехода к мирному строительству, изучить опыт и наметить пути строительства в сельском хозяйстве нашего Союза, чтобы дать надлежащие указания другим странам. Таким образом, институт должен стать в области изучения аграрного вопроса единым научным центром СССР и ленинским центром в мировом масштабе. Советские аграрники должны образовать его ядро, вокруг которого сплотятся лучшие представители науки за границей...»⁷. Следовательно, МАИ по-прежнему рассматривался МКС как организация, прежде всего служащая делу подготовки крестьянства к революционной борьбе за социализм.

⁶ Доклад Т. Домбала на II пленуме МКС «Задачи и достижения Крестинтерна» // Там же. 1925. № 3-4. С. 45-46.

⁷ Открытие МАИ // Аграрные проблемы. 1927. Кн. 1. С. 174 - 175.

Директор МАИ Н.Л. Мещеряков был не столь категоричным, когда ставил задачи перед коллективом создающегося учреждения. Его доклад представлял попытку марксистской интерпретации истории крестьянского движения со средних веков до современности. Он заключил его следующей фразой: «Для того, чтобы в различных странах вести освободительную борьбу крестьянства, необходимо создать научную базу, на которой должно быть построено международное крестьянское движение; эту задачу и должен выполнить МАИ»⁸. И в данном случае научной деятельности института придавался прикладной характер, но не делался столь же сильный, как в докладе Домбала, акцент на использовании результатов работы института для подготовки крестьянства к революции.

И совсем уже в полном соответствии с уставом изложил задачи МАИ заместитель его директора профессор С.М. Дубровский. По его словам, «основная цель института – изучение социальных отношений, складывающихся в сельском хозяйстве. Этим он резко отличается от Римского АИ ... Римский институт вопросами социальных и классовых отношений в деревне совершенно не интересуется. Не касаются их и различные институты, существующие в нашем Союзе и работающие по аграрному вопросу в других разрезах.

Из указанной основной цели нашего института вытекает и вся его организационная и научная структура. Он представляет собой организацию беспартийную и общественную, связанную только с Крестинтерном. В состав его входят отдельные общественные и политические организации, а также ряд видных научных работников по аграрному вопросу и видных деятелей крестьянского движения»⁹.

Организационный период в развитии МАИ в основном завершился в 1929 г. С этого времени центр тяжести был перенесен на научную работу, в связи с этим остро встал вопрос о научных кадрах. Для его решения при институте была открыта аспирантура, организован теоретический семинар, утвердилась практика приглашения специалистов со стороны. Сбором материалов по аграрному вопросу и крестьянскому движению в Польше занималась Мациевская. Быстро пополнялась институтская библиотека, ее книжный фонд насчитывал в 1929 г. 112 тыс. книг, выписывалось более 500 названий отечественных и зарубежных периодических изданий. Началось налаживание научных связей с зарубежными учреждениями и научными центрами, в Польше это было министерство сельского хозяйства и аграрных реформ¹⁰.

⁸ Там же. С.176.

⁹ Там же. С.176-177.

¹⁰ Отчет о деятельности МАИ // Там же. 1930. Кн. 6-7. С. 207-215.

Несовпадение представлений о целях Международного аграрного института найдет впоследствии выражение на страницах его печатного органа – журнала «Аграрные проблемы», издававшегося с июля 1927 до 1935 г. включительно. Журнал был задуман как ежемесячник, но чаще всего он издавался отдельными книжками с двойной нумерацией. В данной статье будут проанализированы публикации журнала, касавшиеся положения польского села и сельского хозяйства.

Польские сюжеты в журнале относились к числу постоянных. За время его существования на его страницах было напечатано 25 материалов, прямо относившихся к польскому сельскому хозяйству и крестьянскому движению, в том числе 11 статей аналитического характера, 8 тематических обзоров и хроникальных материалов, 6 рецензий на работы польских авторов. Первая аналитическая статья была напечатана в 1930 г. Отдельные сюжеты, прежде всего касавшиеся аграрной реформы и положения крестьянства в Польше, затрагивались в статьях общего характера.

Круг авторов журнала, писавших по польским проблемам, не был постоянным. По одной рецензии опубликовали Ю. Яркин, Э. Орловский, Ю. Брун, Я. Михальчук был автором трех рецензий. Из обзоров только один имел авторский характер, он вышел из-под пера Оскара Червеца. В. Яновский, Г.Д. Аронский опубликовали по одной статье, А. Соколовский – две, Б. Тарашкевич – три, Я. Михальчук – четыре статьи, оба последних автора начали печататься в 1934 г. Следует отметить несколько странную ситуацию, поскольку не было напечатано ни одной статьи по польской проблематике Т. Домбаля, хотя он печатался в журнале.

Уже в первом номере «Аграрных проблем» были сформулированы критерии, на основании которых, фактически, велся весь последующий анализ интересующих нас проблем. Это было сделано С.М. Дубровским в установочной статье «Современный аграрный вопрос и задачи его изучения». Им был поставлен вопрос о специфике развития экономик капиталистических государств после мировой войны. В связи с этим он выделил две группы стран. Для одних (Франции, Японии, Австралии, Аргентины, Бразилии, Индии, Китая и др.) была характерна значительная индустриализация, следствием которой было существенное расширение внутреннего рынка для продукции сельского хозяйства. В других же преобладала тенденция к аграризации. Дубровский выделил три типа аграризации. К первому он отнес страны, где развиваются и сельское хозяйство, и промышленность, но темпы роста первого выше, чем второй. Для стран второго типа было характерно разрушение и сельского хозяйства, и промышленности, но промышленность разрушается сильнее, и поэтому страна приобретает более аграрный характер. И, наконец, еще один тип, к которому Дубровский причислил Польшу, Чехословакию и

некоторые другие страны, в которых «при развитии сельского хозяйства, хотя и замедленном, промышленность разрушается или находится в состоянии застоя»¹¹.

В качестве причин упадка промышленности в странах третьего типа были названы ее разрушения в результате военных действий, а также «раздел побежденных стран и разрыв в результате этого цельных хозяйственных организмов, когда в отдельные страны были выделены или только аграрные куски, или районы с сильно развитой промышленностью, что привело промышленность в этих странах, лишенную внутренней спайки, к распаду. В результате империалистической политики более мощного монопольного капитала других государств; последний выбивает с внешних рынков промышленность этих более слабых стран, искусственно – например, дачей целевых кредитов – обуславливает сжатие нежелательных ему отраслей промышленности»¹².

По мнению Дубровского, процесс аграризации сопровождался двоякими последствиями. В экономической области – сужением внутреннего рынка для продукции и промышленности, и сельского хозяйства, а также ростом зависимости от внешнего рынка, т.е. монопольного иностранного капитала, не только по линии сбыта аграрной продукции, но и закупки промышленных товаров, необходимость которой росла по мере разрушения местной промышленности. В итоге, наблюдается тенденция к превращению государств этого типа в полуколонии более мощных империалистических государств. В области классовых отношений – резким обострением классовой борьбы. И здесь Дубровский сослался на пример именно Польши.

Интересен и критерий, предложенный Дубровским для оценки проводимых во многих странах аграрных реформ. Главным он считал то, идут ли аграрные реформы по линии перехода от крепостного хозяйства к капиталистическому хозяйству, «хотя бы замедленного, хотя бы такого перехода, который не приводит к положительным для господствующих классов результатам, или же они идут лишь по линии перемещения только в рамках капиталистического хозяйства, именно, по линии перехода от крупного капиталистического хозяйства к мелкому»¹³.

Дубровский склонялся к позитивной в целом оценке проводимых аграрных реформ, полагая, что «отрицание или недооценка наличия остатков крепостничества в этих странах приводит к неправильному

¹¹ Дубровский С.М. Современный аграрный вопрос и задачи его изучения // Там же. 1927. Кн. 1. С. 23.

¹² Там же. С. 24.

¹³ Там же. С. 25.

пониманию их аграрного строя, а соответственно и к неправильному пониманию смысла и значения крестьянского движения в этих странах»¹⁴.

Таким образом, Польша была определена руководством МАИ как страна, лишенная перспектив успешного или просто сносного экономического развития, т.е. в качестве слабого звена мировой капиталистической системы. И даже рекомендация объективно оценивать проводимые в буржуазных странах, в том числе и в Польше аграрные реформы, не меняла смысла общей установки о неизбежности обострения классовой борьбы.

В сходном со статьей Дубровского духе была выдержана опубликованная в том же номере журнала пространная рецензия Ю. Яркина на работу Адама Росе «*Le probleme agraire en Pologne*». Varsovie, 1926. Отметив двойственный характер аграрных реформ, рецензент предостерег против того, чтобы видеть в них только одну сторону – неспособность уничтожить остатки феодальных порядков. «Это, – по его мнению, – значило бы игнорировать диалектически прогрессивный их элемент, чрезвычайно важный для понимания равновесия существующего общества, хотя и неустойчивого. Но еще более грубой ошибкой было бы закрывать глаза на тот факт, что аграрные реформы застревают в феодальных и полуфеодальных пережитках, и оспаривать положение, что они ведут не к смягчению классовых противоречий, а к неизбежному их обострению...»¹⁵.

Яркиным была дана развернутая характеристика экономического облика Польши, который он определил как аграрный. Наиболее значимыми признаками этого он назвал большую численность сельского населения (в среднем 63%), полуфеодальный характер производственных отношений в сельском хозяйстве. Приведя данные о структуре земельной собственности, взятые из вышедшей в 1921 г. работы польского автора Людкевича (Ludkiewicz) «Аграрная политика», Яркин сделал следующее обобщающее наблюдение: Польша – это «аграрная страна; латифундии наряду с карликовыми хозяйствами и чересполосицей в крестьянских владениях; высокая плотность сельского населения и его пролетаризация...»¹⁶.

Яркин обратил внимание и на различия в аграрных отношениях в разных частях страны, назвав при этом следующие регионы: «конгрессовую» Польшу, восток (Галиция, Волынь, белорусские земли и Виленщина) и запад. Им был назван и национальный момент – «неравномерная доля участия различных национальных групп во владении

¹⁴ Там же. С. 25-26.

¹⁵ Яркин Ю. К вопросу об аграрной политике в Польше // Там же. С. 200.

¹⁶ Там же. С. 201.

землей», но каких-либо точных данных он не привел, объяснив это их отсутствием. Исключение Яркин сделал только для Познани и Западной Пруссии (Великая Польша и Восточное Поморье), сославшись на работу Холльманна (Hollmann) «Die polnische Agrarreform».

Весьма характерен следующий поставленный рецензентом вопрос: «Что же было сделано буржуазией этого молодого, но в социальном отношении разлагающегося государства, чтобы наполнить старые меха новым вином?». Таким ответом на вызов времени он считал аграрную реформу. Ее происхождение Яркин связывал с описанной им ситуацией в сельском хозяйстве, заинтересованностью буржуазии в «сохранении политической системы вообще», ради чего она согласилась на то, что одна из ее частей – крупное землевладение – понесла некоторые жертвы, а также заинтересованностью в реформе самой шляхты. Таким образом, – суммировал Яркин, – происхождение и течение польской аграрной реформы определяется игрой двух факторов – городской промышленной буржуазии и крупного землевладения»¹⁷.

По убеждению рецензента, польская аграрная реформа как средство перехода к капиталистическому способу производства в сельском хозяйстве свелась к четырем мероприятиям: раздроблению латифундий; уничтожению чересполосицы; отмене сервитутов и уплате возмещения за отчуждаемую землю, что дает помещику некоторую часть необходимого ему капитала. Яркин обратил внимание и на то, что при отчуждении земли живой и мертвый инвентарь остается у помещика, а также на изъятия из закона в случае, если сохранения поместья требуют «специальные интересы».

Проанализировав данные о размерах всех видов парцелляции (государственной, землеустроительных обществ и частных лиц) за 1919 – 1925 гг., почерпнутые из работы Росе и «Рочника статыстычного» за 1925 г., Яркин констатировал, что они «обнаруживают не только до смешного малый размер парцеллирования, но и обнажают механизм его проведения – предпочтение, которое отдается свободной раздаче земель самими собственниками перед принудительным землеустройством через государство».

Обратил внимание Яркин и на национально-политический аспект процесса парцеллирования. Сопоставив данные о размерах государственной парцелляции в бывшей прусской Польше, «конгрессовке», Восточной Польше и Галиции, он пришел к заключению, что участие государства в парцеллировании обратно пропорционально доле крупных поместий, принадлежащих полякам.

¹⁷ Там же. С. 202.

В целом, рецензент отнес польскую аграрную реформу к правому крылу послевоенных аграрных реформ, поскольку она ставит своей целью создание «сильных, здоровых и высоко производительных хозяйств разных типов и разной величины, составляющих частную собственность их владельцев, и тем самым создает иллюзию капиталистической организации польского сельского хозяйства, для которой, однако, нет налицо ни хозяйственных, ни финансовых, ни социальных предпосылок»¹⁸.

Развил Яркин и тезис о заинтересованности крупных землевладельцев во введенной реформой выкупной системе, поскольку выкуп земли не только дает им необходимый капитал, но и позволяет, освобождаясь от части земли, понижать налоговое бремя. Выкупную систему он считал однозначным подтверждением того, что «в действительности аграрная реформа в Польше проводится не против крупных землевладельцев, а в полном согласии с ними».

Задался Яркин и вопросом, способна ли реформа довести до уровня хозяйственной самостоятельности более 2 млн. крестьянских хозяйств площадью до 2 га, не говоря уже о сельском пролетариате, и дал на него отрицательный ответ. Но в этом он увидел не только еще один пример обмана крестьянских масс, страдавших от земельного голода, но и свидетельство начала создания для польской промышленности резервной армии труда, необходимой для взятого буржуазией курса на индустриализацию страны.

Общий вывод рецензии гласил, что «задуманная в духе Столыпина аграрная реформа польских фашистов не разрешает аграрного вопроса в Польше. Она только заводит в тупик. Земельный вопрос по-прежнему остается одним из важнейших объективных революционных факторов, который не дает польскому обществу прийти в равновесие и накапливает все новый взрывчатый материал. Разрядить эту атмосферу сможет только революция польских крестьянских масс под предводительством развивающегося промышленного пролетариата, который как раз и создается фашистской аграрной политикой»¹⁹. Уже эта первая развернутая публикация в «Аграрных проблемах», посвященная сельскому хозяйству Польши, наметила основные направления освещения проблем польского села и сельского хозяйства в печатном органе МАИ: показ объективной необходимости буржуазных преобразований в сельском хозяйстве, непоследовательность и неэффективность предпринимаемых правительством мер и нарастание недовольства широких крестьянских масс, которое вот-вот выльется в революционное наступление. Причем, последний тезис чаще всего имел умозрительный характер и не всегда

¹⁸ Там же. С. 203.

¹⁹ Там же. С. 205.

вытекал из нередко вполне серьезного анализа, содержавшегося в основной части статьи.

В том же июльском номере 1927 г. в разделе «Хроника» была помещена статья, посвященная крестьянскому движению в Польше, в которой в полной мере проявились все признаки обозначенного выше приема подачи материала о Польше. Отметив высокую конъюнктуру для польского сельского хозяйства в первой половине 1926 г., вызванную стачкой английских горняков, хорошим урожаем 1925 г. и высокими ценами на сельхозпродукцию, автор обзора вместе с тем указал на признаки приближающегося серьезного экономического кризиса: увеличивающуюся дороговизну жизни, рост безработицы в городах, вздорожание промышленных изделий, вследствие чего покупательная способность середняцких и бедняцких масс деревни значительно уменьшилась. Согласно его прогнозу, недовольство своим положением этих масс будет расти непрерывно, потому что «благоприятных перспектив на хозяйственное положение Польши в 1927 г. нет», должны возникнуть «громадные затруднения, которые могут глубоко потрясти экономическую и политическую жизнь Польши»²⁰. В долгосрочной перспективе его прогноз был верным, но для 1927 г. он имел явно предвзятый характер.

Перейдя к анализу внутриполитического положения Польши, автор обзора указал несколько важных, по его мнению, моментов:

- поддержку режима Пилсудского партией «Пяст»;
- сближение ППС, ПСЛ – «Вызволениє», Крестьянской партии, Крестьянского союза, левого крыла Национальной рабочей партии и Клуба труда, но при этом шансы этого блока на успех в будущих парламентских выборах он оценил как незначительные;
- решительную оппозицию режиму национальных демократов, особенно Лагеря великой Польши.

Было также отмечено понимание правительством важности интенсификации сельского хозяйства и стремление проводить соответствующую политику, которая, с одной стороны, «согласуется со стремлением американского и германского капитала, желающих иметь в Польше полуколониального поставщика сырья и сельскохозяйственных продуктов и рынок сбыта для своей промышленной продукции (курс на аграризацию страны)», а с другой, «идет по линии интересов крупных аграриев»²¹.

Завершался обзор характеристикой левого крестьянского движения в Польше, представленного Независимой крестьянской партией,

²⁰ Хроника крестьянского движения. Польша // Там же. С. 158.

²¹ Там же. С. 159-160.

Белорусской крестьянско-рабочей громадой и украинским Сель-Робом. Они вынуждены вести свою деятельность в новых условиях, когда «фашизм разлагает все другие крестьянские организации, содействуя их расколу, и таким образом пытается дезорганизовать и уничтожить всякую возможность протеста организованных крестьянских масс против его военных затей...». В связи с этим левое и национально-освободительное крестьянское движение должно найти новые методы действия, особенно нужно укрепиться «на хозяйственной базе в различных кооперативных организациях, чтобы дать отпор фашизму, усиленно пытающемуся подвести под себя и крестьянскую базу»²².

Следующая публикация, касающаяся Польши, появилась на страницах «Аграрных проблем» спустя год. Это был «Обзор политики фашистского правительства и положение крестьянства в Польше» Оскара Червеца. Заход статьи был традиционным и сводился к утверждению, что аграрная политика режима санации ставит своей целью интенсификацию помещичьего хозяйства и укрепление кулаков за счет широких масс рабочих, малоземельных и середняцких слоев, что она проводится в условиях обострения «фашистского террора и под ширмой нового обмана крестьянских масс иллюзией улучшения положения их хозяйств – не путем раздела помещичьей земли, а устранением чересполосицы и частичным наделением земель карликовых хозяйств и урегулированием вопроса о сервитутах, из-за которых ведется борьба крестьян с помещиками...». Сделав затем дежурное заявление, что «тактика фашистской диктатуры не только не смягчает остроты земельного голода в Польше, но, наоборот, еще больше углубляет его и обостряет противоречия между крестьянскими массами и помещиками, усиливая классовую борьбу в деревне»²³, О. Червец провел достаточно глубокий анализ положения польского сельского хозяйства по отдельным параметрам, таким как: демографическая ситуация деревни, структура земельной собственности, результаты парцеллирования в 1919-1927 гг., сезонная эмиграция, положение сельскохозяйственных рабочих, цены на сельскохозяйственную продукцию, налогообложение, правительственная аграрная политика. Обзор построен на данных «Rocznika statystycznego», «Kwartalnika statystycznego», работы В. Грабского «Społeczne gospodarstwo agrarne w Polsce», т.е. вполне репрезентативных источников и литературы.

Наряду с проблемами, представленными в рассмотренных выше публикациях, О.Червец затронул ряд новых тем. Прежде всего, положение постоянных и сезонных сельскохозяйственных рабочих, налоговую

²² Там же. С. 161.

²³ Червец Оскар. Обзор политики фашистского правительства и положения крестьянства в Польше // Там же. 1928. Кн. 4 (8). Август.

политику государства в отношении крестьян, сервитуты. Это действительно были далеко не второстепенные сюжеты. Так, по данным того же Червеца, в 1921 г. сельскохозяйственные рабочие составляли 14,5% всего активного сельского населения, почти 1,5 млн. человек. Именно эту социальную группу автор обзора причислил к основным жертвам проводимой помещиками рационализации своих хозяйств. К последствиям политики рационализации он относил увольнение постоянных сельхозрабочих и замену их сезонными, понижение зарплаты в денежном и натуральном (ординарии) выражении, ухудшение общих условий труда, распродажу неудобной земли и мелких излишков удобной, в результате чего сокращается потребность в сельхозрабочих²⁴. Отметил Червец и такой факт, как невозможность получения сельхозрабочими банковских кредитов на приобретение земли и обзаведение собственным хозяйством.

Следует отметить еще одно положение статьи Червеца, согласно которому среди приобретших в 1919-1927 гг. в Польше землю малоземельных и безземельных крестьян (а их было, по его данным, из 107640 человек, воспользовавшихся реформой, соответственно 64849 и 31773 чел.) большинство составляют сыновья кулаков²⁵. В подтверждение этого тезиса каких-либо данных автор не привел. Но и опровергнуть его достаточно сложно, принимая во внимание отсутствие соответствующей статистики или результатов социологических опросов и анкетирования.

Авторский вывод из выдержанного в обличительном духе, но все же содержавшего достоверные данные о некоторых аспектах положения польского села обзора был вполне традиционным: «капиталистическая стабилизация под властью фашистской диктатуры не только не обещает ослабления крестьянского вопроса в Польше, но, наоборот, углубляет его содержание. Наглядным доказательством этого является рост влияния польской компартии среди крестьянства, а также громадный рост радикальных крестьянских партий (Независимая крестьянская партия – 20 тыс. членов, Белорусская крестьянско-рабочая громада – более 100 тыс. членов)»²⁶.

О том, насколько внимательно авторы «Аграрных проблем» следили за развитием экономической ситуации в Польше, свидетельствует рецензия Э. Орловского на работу польского премьер-министра К. Бартеля «Графики, характеризующие развитие хозяйственной жизни Польши в 1924-1927 г. включительно», вышедшую в Варшаве в 1928 г. Работа представляла собой 28 таблиц, использованных Бартелем в его лекции «Картина положения Польши по ортогональным координатам», которую он

²⁴ Там же. С. 123-124.

²⁵ Там же. С. 121.

²⁶ Там же. С. 132.

прочитал 19 февраля 1928 г. в Львовском политехническом институте. Рецензент, изложив содержание работы, констатировал, что хотя против цифр спорить трудно, однако картина экономической жизни, нарисованная Бартелем, далеко не полна. Орловского не устроило отсутствие данных о производительности и интенсивности труда, номинальной и реальной заработной плате и продолжительности рабочего дня. Приведя их в своей рецензии, он констатировал рост производительности труда и продолжительности рабочего дня при существенном сокращении заработной платы рабочих и росте цен на хлеб. Кроме того, им были отмечены наблюдавшиеся в 1928 г. сокращение денежного обращения и сбыта промышленной продукции, а также отрицательный баланс внешней торговли. На основании проведенного собственного анализа экономической ситуации в Польше, Орловский пришел к выводу, что «все это ставит под прямой удар с таким трудом достигнутую стабилизацию польского злотого и создает неустойчивое равновесие для всей экономической жизни Польши. Не может быть никакого сомнения в том, что после подъема 1926-1927 гг., уже в 1928 г. Польша снова входит в новую полосу серьезного экономического кризиса».²⁷ Следует сказать, что на этот раз прогноз «Аграрных проблем» был правильным, Польша, как и весь капиталистический мир неуклонно приближалась к тяжелейшему за весь межвоенный период экономическому кризису.

В 1929 г. проблематика польского села и сельского хозяйства была представлена в «Аграрных проблемах» весьма скромно. Во-первых, достаточно пространной рецензией Ю. Бруна на брошюру Вацлава Кондерского «Проблема финансирования аграрной реформы». По мнению автора рецензии, видного деятеля польской компартии Ю. Броневича, закон об аграрной реформе от 28 декабря 1925 г., в отличие от аграрного законодательства первых лет Польской республики, «острием своим направленным против крупной земельной собственности», свелся «к распределению на льготных условиях казенных земель и к поощрению добровольного парцеллирования помещичьей земли с целью создать «сильные, здоровые и высоко производительные» хозяйственные единицы. При этой общей установке и консервативном характере закона, уцелевшие в тексте закона остатки «радикальных увлечений» (например, допущение принудительного отчуждения земли в случае, если добровольное парцеллирование не достигнет определенного размера) лишены практического значения»²⁸.

²⁷ Орловский Э. Рец. на: Dr. K. Bartel. Wykresy charakteryzujące rozwój życia gospodarczego Polski w latach 1924-1927 włącznie. Warszawa, 1928. С. 201.

²⁸ Брун Ю. Рец. на: Konderski Wacław. Problem sfinansowania reformy rolnej. Warszawa, 1928. С. 169.

Ю. Брун был против отождествления польской аграрной реформы со столыпинской. Он считал, что такое сравнение «приемлемо лишь с большими оговорками», т.к. в Польше отсутствуют для этого основные хозяйственные предпосылки, которые благоприятствовали реформе Столыпина²⁹. Тем самым, Ю. Брун вступал в спор с точкой зрения, высказанной Ю. Яркиным в 1927 г. в «Аграрных проблемах».

В том же году, в рубрике «Мировое статистическое обозрение», были приведены без каких-либо комментариев данные о поденной зарплате постоянных сельскохозяйственных рабочих в Келецком, Люблинском, Познанском и Поморском воеводствах за 1927-1928 гг., взятые из «Revue international du Travail». Vol. XVIII, № 6, а также сведения о результатах проведенного в Польше в 1919-1928 гг. парцеллирования, а также ликвидации чересполосицы и сервитутов, почерпнутые из «Rocznika statystyki» за 1928 г.³⁰.

Летом 1929 г., на берлинской конференции левых крестьянских деятелей, было решено провести в этом же городе в 1930 г. конгресс трудящихся крестьян Европы, на котором планировалось обсудить проблемы их борьбы за улучшение своего экономического положения, против угрозы фашизма и империалистической войны, а также организационные вопросы. Был создан временный комитет по созыву конгресса, в который от Польши вошел депутат сейма Станислав Войтович-Вальницкий*.

В первой книжке «Аграрных проблем» за 1930 г. был помещен подробный отчет о ходе подготовки к конгрессу в разных странах, в том числе и в Польше. Здесь уже в конце сентября 1929 г. состоялась конференция крестьянских деятелей, избравшая национальный комитет по подготовке конгресса. В его состав вошли представители «Самопомощи хлопской», Стронництва хлопского, кредитных касс Стефчика, сельхозкооператива «Сгода», кооперативов «Звяз», «Сельский господарь», вице-председатель окружного комитета ПСЛ – «Вызволене» Ковальский, депутат сейма Вальницкий, представители крестьянских организаций украинского, польского, литовского и немецкого национальных меньшинств. Конференция обратилась с воззванием ко всем трудящимся Польши, содержащим призыв к международной солидарности в борьбе за рабоче-крестьянскую власть, за землю без выкупа для трудящихся крестьян, за право угнетенных народов на самостоятельное решение своей участи, а также решила организовать низовые комитеты и издавать информационный бюллетень для освещения хода подготовки к конгрессу.

²⁹ Там же. С. 171.

³⁰ Мировое статистическое обозрение // Аграрные проблемы. 1929. Кн. 3. С. 152.

* Имеется в виду создатель С. Вуйтович.

Несмотря на чинимые властями препятствия, была развернута активная деятельность и к началу января 1930 г. по всей Польше было образовано 139 комитетов, в том числе 111 деревенских и 28 окружных³¹.

К теме европейского конгресса трудящегося крестьянства, прошедшего в Берлине 27-29 марта 1930 г., журнал вернулся еще раз уже после его окончания. В итоговой статье, подробно излагавшей ход конгресса, цитировались отдельные выступления и принятые резолюции, сообщалось и об участии в нем Польши. Было отмечено, что всего в Польше было создано около 200 местных, окружных и районных крестьянских комитетов по подготовке к конгрессу, но не все избранные на конгресс делегаты смогли принять в нем участие. Один из них был жестоко избит полицейскими в Гродно, другие арестованы. И все же на конгрессе присутствовали 17 польских делегатов, а Войтович был избран в президиум конгресса³².

Мировой экономический кризис, поразивший западный мир на рубеже 20 – 30-х гг., не обошел стороной и сельское хозяйство Польши. Анализом его причин, хода и воздействия на аграрный сектор польской экономики первым на страницах журнала занялся В. Яновский. Он обстоятельно рассмотрел несколько принципиальных для понимания характера мирового экономического кризиса проблем. Во-первых, движение цен на сельскохозяйственную продукцию на внутреннем и международном рынках, движение индексов цен на сельскохозяйственные и промышленные товары, соотношение цен на продукты растениеводства и животноводства³³. Во-вторых, задавшись вопросом о причинах кризиса, отверг как несостоятельные позиции буржуазных экономистов, одни из которых, преимущественно аграрии, видели их в перепроизводстве, другие – «всякого рода “демократы”» – в падении потребления, третьи – в недостатках денежного оборота в земледелии. Виднейшими теоретиками первого направления он называл Курта Риттера, а в Польше Гостицкого*, второе связывал с ППС, а третье – с Грабским (скорее всего Владиславом). По мнению Яновского, две первые теории – «в сущности, стараются объяснить движение цен, а не существенные причины кризиса», что же касается третьей, то она опровергается американским опытом –

³¹ Киарини К. К конгрессу трудящихся крестьян Европы // Аграрные проблемы. 1930. Кн. 1. С. 143-146.

³² Первый европейский конгресс трудящегося крестьянства // Аграрные проблемы. 1930. Кн. 4-5. С. 4.

³³ Яновский В. Сельскохозяйственный кризис в Польше // Аграрные проблемы. 1930. Кн. 6-7. С. 85-89.

* Имеется в виду Ежи Госцицкий (Jerzy Gościcki) (1880-1946), помещик, экономист, деятель Национальной демократии.

«американское земледелие, например, получило огромные кредиты, благодаря которым наступление кризиса несколько было замедлено, но ничуть не предотвращено»³⁴. Сам Яновский, вслед за К. Марксом и В.И. Лениным, объяснял причины кризиса отсутствием равновесия между промышленностью и сельским хозяйством. От его взгляда не ускользнули несомненные успехи мирового сельского хозяйства, которое во время «стабилизационного» периода проделало тот же путь, что и промышленность, особенно в странах, где земледелие базировалось на чисто капиталистических основах. Яновский подробно остановился на двух главных процессах, наблюдавшихся в период «временной стабилизации» в аграрном секторе. Одним из них он назвал рационализацию, т.е. подведение новой технологической базы не только под промышленность, но и под сельское хозяйство, в котором «машинизация, тракторизация, специальный способ вспашки и т.п. произвели глубокий переворот». Ее «некоторые успехи» он видел и в Польше, «где полунатуральное крестьянское хозяйство играет еще такую большую роль в земледелии». Ими автор статьи считал устранение чересполосицы, ликвидацию сервитутов, мелиорацию почв, парцеллирование имений, дававшее помещикам средства, необходимые для более эффективной организации своих хозяйств, распространение машин и искусственных удобрений, рост урожайности по сравнению с довоенным временем³⁵.

Вторым процессом была картелизация, охватившая в Польше, главным образом, сельскохозяйственную промышленность и торговлю, особенно экспортную. В этой связи Яновский перечислил конвенцию плантаторов сахарной свеклы, синдикат плантаторов хмеля, централ льна в Вильно, конвенцию торговых мельниц в Познани, картель макаронных фабрик, объединение экспортеров спирта, объединение водочных фабрик, синдикат дрожжевых фабрик, конвенцию пивоваренных заводов относительно условий продажи, объединение крахмальных фабрик, картель суперфосфатных фабрик, синдикат торговцев косами. Главную же роль в картелизации деревни он отводил объединениям кооперативов, особенно молочно-яичных, «которые тянут из середняка и бедняка крестьянства, которое в значительном количестве примыкает к ним, все то, что у него годится на рынок, а в особенности – на вывоз. “Не доедать, а вывозить» – вот лозунг, который выброси один из буржуазных экономистов Польши”»³⁶.

В-третьих, автор статьи обратился к анализу мер, с помощью которых капиталистическое общество пыталось бороться с кризисом. Он их

³⁴ Там же. С. 91.

³⁵ Там же. С. 92-93.

³⁶ Там же. С. 93.

разделил на три группы: «средства, так сказать, индивидуального характера, средства своего рода общественной самопомощи и, наконец, средства государственные». К первой группе он отнес переход от продукции зерновых к животноводству или, по крайней мере, от продукции ржи к производству пшеницы. Но в Польше, по мнению Яновского, этот путь не обещал привести к быстрым результатам, так как требовал времени и капитала, который здесь получить нелегко. Не способствовала ему и ситуация на мировом рынке сельхозпродукции. Вместо дальнейшей интенсификации польского сельского хозяйства отчетливо просматривается его регресс. В доказательство этого автор статьи привел данные об использовании искусственных удобрений, продаже сельскохозяйственных машин в Познани, сокращении заработной платы сельскохозяйственным рабочим, отсутствии всякой прибыли в крестьянских хозяйствах³⁷.

Неэффективной считал Яновский и вторую группу средств, включавшую в себя кредитную и производственную сельскохозяйственную кооперацию, а также картелизацию. В этой связи он подробно остановился на польско-германском синдикате для общего экспорта ржи, создание которого было ускорено выходом на рынок советской ржи, и подчеркнул, что обе стороны не возлагают больших надежд на его деятельность³⁸.

Весьма детально была проанализирована В. Яновским третья группа средств борьбы с кризисом – государственная помощь. Он признавал, что капиталистическое государство обладает огромными возможностями влияния на ход всего хозяйства страны с помощью введения запрета на ввоз и вывоз, ввозных пошлин и экспортных премий, возврата пошлин, железнодорожных тарифов, податных облегчений, кредитов, создания государственных хлебных резервов, постройки элеваторов, поддержки кооперативов, способствования картелизации и т.д. В числе мер, предпринятых польским государством, автором статьи были рассмотрены импортные и экспортные пошлины, налоговая и кредитная политика, железнодорожные тарифы и образование хлебных резервов³⁹.

В заключительной части статьи, озаглавленной «Перспективы», Яновским был сделан неутешительный для польского сельского хозяйства вывод: «Все эти вышеприведенные меры борьбы с кризисом, конечно, ничтожны. Капиталистическое общество стоит перед разразившимся кризисом беспомощным и единственная его премудрость в лозунге: «Как-нибудь переждать», по возможности скорчившись, как человек, застигнутый врасплох ливнем, – сравнение, сделанное профессором

³⁷ Там же. С. 94-95.

³⁸ Там же. С.95-96.

³⁹ Там же. С. 96-97.

Грабским, бывшим премьер-министром, которое ярко характеризует отношение польской буржуазии к борьбе с кризисом. Между тем нынешний кризис – это ведь не простой кризис конъюнктуры, а кризис структурный»⁴⁰.

На этом предметный анализ состояния польского сельского хозяйства в условиях мирового экономического кризиса кончился, а далее следовало донельзя политизированное видение его будущих социальных последствий: капиталистическое землеустройство с неизбежностью рухнет, усилится расслоение деревни, крестьянство окончательно разуверится в способности фашистского правительства защитить его от разрушительных последствий кризиса. «Крушение фашистского землеустройства обострит борьбу трудящегося крестьянства за землю, за захват помещичьих земель, а вместе с тем пример гигантского переустройства сельского хозяйства на социалистических началах в СССР докажет, что действительный выход из сельскохозяйственного кризиса найден только там, по другую сторону пограничного кордона, отделяющего капиталистическую Польшу от страны рабочих и крестьян, успешно перестраивающих на социалистических началах все хозяйство страны», – так пафосно закончил свое исследование В. Яновский.

Статья Яновского оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, видно, что она написана хорошим, хотя и несколько тенденциозно настроенным специалистом, разбирающимся в вопросах экономики сельского хозяйства, хорошо владеющим фактическим материалом. Внимательный читатель мог из нее извлечь достаточно много достоверной информации. С другой же стороны, она содержала традиционно политизированную концовку, смазывавшую в целом благоприятное впечатление от предшествующего изложения. Эта манера подачи материала о Польше, начало которой было положено авторами журнала в 20-е гг., не только сохранится, но и будет усугублена в 30-е гг.

В 1931 г. журнал ни разу не обращался к польской проблематике. Но зато в 1932 г. на его страницах было напечатано три таких материала. Первым была статья А. Соколовского «Роль кулацких партий и ППС в подготовке интервенции», выдержанная в обычном для того времени алармистском духе. Ее смысл заключался в том, что фашистская Польша якобы лихорадочно готовится к нападению на СССР, а названные кулацкими людскими партиями «Пяст» и «Вызволение», а также ППС активно содействуют этим усилиям⁴¹. Совершенно очевидно, что Соколовский просто на польском примере излагал коминтерновскую

⁴⁰ Там же. С. 97.

⁴¹ Соколовский А. Роль кулацких партий и ППС в подготовке интервенции // Аграрные проблемы. 1932. Кн. 1-2. С. 54-64.

установку, гласившую, что социал-демократические и крестьянские партии – это ничто иное, как левое крыло фашизма, и задача коммунистов заключается в том, чтобы сорвать с них маску оппозиционности и разоблачить перед массами их подлинное лицо.

Несколько иной по содержанию, но чрезвычайно сходной по духу была статья Г.Д. Аронского «Революционное движение крестьян в Польше». Им был достаточно объективно охарактеризован поразивший польское сельское хозяйство кризис. Подробно был разобран ряд его проявлений. Во-первых, рост задолженности мелкого и среднего крестьянства, достигшей 3,9 млрд. злотых при валовом доходе этих слоев в 2,4 млрд. злотых в год. В результате у них на каждые 100 га приходится в среднем 100 злотых налогов и долгов. Финансовое положение крестьян было также усугублено усилением налогового бремени, с 1929 по 1931 г. налоги выросли на 100%.

Во-вторых, увеличивающееся раскрытие «ножниц цен» на промышленные и сельскохозяйственные продукты в пользу первых, продемонстрированное с помощью статистических данных за 1914, 1925/1926 и 1931 гг.

В-третьих, пауперизация деревни. В Польше, отмечал Аронский, свыше 5 млн середняцких хозяйств деградировали до уровня бедняцких, особенно в западной Белоруссии и Западной Украине. В 1928 г. в Польше было 43% безлошадных хозяйств, в 1931 г. их доля составила уже 70%.

Автор статьи утверждал, что реальную помощь в борьбе с кризисом правительство оказывает только крупным хозяйствам. В качестве примера были названы послабления по налогам и предоставление кредитов князьям Любомирскому и Пшежинскому, графу Пивинскому, некоему Клевшинскому⁴².

Заключительная часть статьи традиционно была посвящена деятельности компартии Польши по революционизированию крестьянства.

А. Соколовским была опубликована в 1932 г. еще одна статья, приуроченная к 15-ой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Она практически полностью воспроизводила схему статьи Аронского. Особый упор был сделан на показе ухудшения положения крестьян, подкрепленном цитатами из «Зеленого штандара», «Газеты Варшавской», «Венца и пшчулки» и др. польских изданий, данными о расслоении деревни, налоговом прессе, ростовщичестве, трудностях, с которыми сталкиваются мелкие и средние крестьянские хозяйства при получении кредитов. Не остались без внимания и поддержка правительством картелей и синдикатов, предоставление им льгот и

⁴² Аронский Г.Д. Революционное движение крестьян в Польше // Аграрные проблемы. 1932. Кн. 3-4. С. 32-33.

оказание помощи крупным землевладельцам, в частности, князю Любомирскому, графу Потоцкому, графу Замойскому и др.

Особое внимание было уделено борьбе крестьян против ухудшения своего положения, показу перерастания акций протеста в кровавые столкновения, как это было в Лиске, Ядове, в партизанское движение на восточных крессах, бойкот и стачки (Лиманова и др.)⁴³.

В заключительной части статьи содержались традиционно высокие оценки деятельности КПП среди крестьян, подчеркивалось, что «никогда в Польше не было такого напряженного положения в деревне и таких благоприятных условий для революционного выхода из кризиса, как в данное время. Сочетая массовую стачечную борьбу пролетариата с развязыванием элементов аграрной революции и с национально-освободительным движением поработанных польским империализмом народов, осуществляя руководство со стороны пролетариата этим движением, КПП ведет трудящиеся массы Польши к решающим боям за польский Октябрь»⁴⁴.

После всплеска внимания к польской проблематике в 1932 г. редколлегия «Аграрных проблем» вновь не обращалась к ней весь 1933 г. Зато в последние два года существования журнала оказались весьма «урожайными», особенно 1934 г., когда на его страницах было напечатано 6 материалов, посвященных польскому сельскому хозяйству и крестьянскому движению. Открыла эту серию статья Бронислава Тарашкевича, посвященная крестьянским выступлениям в Галиции в 1933 г. С этого момента Тарашкевич стал постоянным автором журнала. Статья начинается с констатации, что «Польша является одной из тех капиталистических стран, где расшатанность капиталистической системы и ее общий кризис протекают с особенной остротой, доводя широкие массы пролетариата и трудящегося крестьянства до отчаянной нужды. Теснимые безработицей, сокращением заработков, грабительскими налогами, «ножницами» цен, все возрастающей эксплуатацией буржуазии, помещиков, кулаков и насилиями фашистов массы все более революционизируются. Возросла революционная активность не только пролетариата, но и крестьянства»⁴⁵.

В центре внимания Тарашкевича оказалось массовое (более 100 тыс. участников) выступление крестьян 12 повятов Средней Галиции, сопровождавшееся вооруженными столкновениями с полицией. Особенно

⁴³ Соколовский А. Революционная борьба крестьянства в Польше. К XV годовщине Октября // Аграрные проблемы. 1932. Кн. 10-11. С. 132-142.

⁴⁴ Там же. С. 143.

⁴⁵ Тарашкевич Б. Крестьянское восстание в Галиции // Аграрные проблемы. 1934. Кн. 1-2.

симптоматичным он считал то, что восстали крестьяне, несколько десятков лет находившиеся под влиянием «кулацкой» ПСЛ – «Пяст» и считавшиеся патриотически настроенными. В связи с этим он отмечала: «И если это же «патриотическое» население восстало с оружием в руках, то разгадку этого явления мы должны искать в усиливающейся эксплуатации и грабеже трудящихся масс деревни со стороны помещиков и буржуазии, в усилении террора и росте влияния компартии»⁴⁶. Раскрытию этих факторов и была, собственно, посвящена статья Тарашкевича.

На основании данных монографий, изданных Институтом сельского хозяйства в Пулавах, официальной статистики и польской прессы автор статьи представил картину земельных отношений в районе восстания, состояние задолженности отдельных групп хозяйств (до 5 га, 5-10 га, 10-20 га, 20-50 га), описал ограбление деревни с помощью ценовой и налоговой политики, рост аграрного перенаселения, подробно проследил процессы радикализации настроений крестьянства, начиная с лета и осени 1930 г. Наиболее знаковыми моментами этого процесса он назвал революционные выступления крестьян в январе 1930 г. в деревне Сеняве, Новотаргского повята, Краковского воеводства, в деревне Острувек, Калишского уезда в марте того же года, сопротивление принудительной комасации в Яворнике-Небылецком, Стшижовского повята, поджоги помещичьих усадеб летом и осенью 1930 г. на Западной Украине. Из событий 1932 г. внимание Тарашкевич привлекли восстание в Лисском уезде на Западной Украине (19 деревень и 10 тыс. участников), использование крестьянами нового метода борьбы – стачки-бойкота, примененного впервые в Лимановском повяте, в Средней Галиции, и быстро распространившегося на другие территории страны, вплоть до Варшавского воеводства, где в деревне Ядово, Радзиминского повята в июле 1932 г. произошло кровавое столкновение крестьян с полицией. Масштаб выступлений был таков, что партии «народников-фашистов» и «социал-фашистов», боясь потерять влияние на массы, вынуждены были поддерживать и пропагандировать эту новую форму движения крестьянства. При этом, отмечал Тарашкевич, «партия Витоса стремилась использовать движение бойкота в своих интересах; она стремилась противопоставить деревню городу, интересы трудящегося крестьянства – интересам пролетариата»⁴⁷.

Особо изобилует подробностями рассказ о крестьянском бунте, начавшемся в Ропчицком повяте, Краковского воеводства в мае 1933 г., затем распространившемся на соседние районы и продлившемся более месяца. Не забыл Тарашкевич поведать и об акциях солидарности с галицийскими крестьянами в других районах Польши, в том числе в

⁴⁶ Там же. С. 70.

⁴⁷ Там же. С. 74.

Западной Белоруссии. Из анализа массовых выступлений крестьян им был сделан ряд практических выводов и наблюдений относительно применявшейся ими тактики борьбы с властями и полицией.

Существенное место Тарашкевич отвел доказательству «громадной роли компартии в деле мобилизации и руководства революционным движением крестьян». Сделать это было не просто, поскольку основную роль в организации крестьянского протеста, особенно в Галиции, сыграли, как известно, людовские деятели. Поэтому Тарашкевич вынужден был как-то объяснить, почему КПП не сумела возглавить это революционное выступление, что было ее программной и уставной задачей. В оправдание он привел ряд смягчающих обстоятельств: компартии пришлось действовать в условиях «стихийности массового движения и внезапности революционного взрыва в галицийском восстании», имелись «некоторые организационные недочеты в деревенской работе», «местные организации КПП были не в состоянии организационно охватить быстро развивающуюся волну повстанческого движения, отчего в некоторых местах массы остались под опекой народнико-фашистов». Тем не менее, утверждал автор статьи, «по выпущенным воззваниям и партийной литературе видно, что партия по отношению к происходящим событиям заняла правильную позицию, стараясь возглавить и охватить восстание своим руководством»⁴⁸. Таким образом, получалось, что «громадная роль» компартии в действительности свелась к стараниям «возглавить и охватить», а не к подлинному руководству движением масс. Именно поэтому немалая часть статьи была посвящена анализу ошибок и недоработок компартии.

Концовка статьи была традиционно оптимистической, выдержанной в строгом соответствии с обязывавшей в то время в Коминтерне стратегией и тактикой деятельности: «Восстание крестьян в Средней Галиции подавлено, но оно подняло польское крестьянство на путь революционной борьбы в качестве активного союзника пролетариата и национально-освободительного движения. Движение крестьянских масс в польской деревне после кровавой расправы в Галиции вовсе не улеглось. Факты доказывают, что брожение углубляется и расширяется. Надо ожидать новых, еще более могущественных взрывов. Удачная координация широких крестьянских восстаний с крупными стачечными боями пролетариата и обостряющимися выступлениями безработных может значительно ускорить момент непосредственной борьбы за ниспровержение фашистского правительства, за власть Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Польши»⁴⁹.

⁴⁸ Там же. С. 82-83.

⁴⁹ Там же. С. 85.

В том же году со своей первой статьей выступил Я. Михальчук, также ставший постоянным автором журнала. Объектом его анализа была новая аграрная программа ППС, принятая в феврале 1934 г. Ее появление Михальчук объяснял реакцией польской буржуазии на активизацию революционного движения крестьянства, наиболее ярким свидетельством которой он назвал восстание свыше 100 тыс. крестьян 12 поватов Краковского и частично Львовского воеводств в 1933 г. По его мнению, «массовость этого движения и широкий размах вооруженной борьбы, участие в движении самых забитых масс польского крестьянства – придадут галицийским событиям историческое значение, сигнализируя о назревании аграрной революции как составной части социалистической революции в Польше»⁵⁰. В этих условиях польская буржуазия делает все, чтобы «задержать отход трудового крестьянства на сторону пролетариата и революции ..., чтобы разбить рабоче-крестьянский союз – ту силу, которая свергнет фашистскую диктатуру. Сейчас в Польше буржуазные партии ведут усиленную борьбу за трудящееся крестьянство. Как санация, так и «оппозиционные» партии употребляют все более «левые» маневры к тому, чтобы привлечь на свою сторону крестьянские массы и изолировать пролетариат в его борьбе против фашизма»⁵¹.

Именно таким «левым» маневром Михальчук назвал новую аграрную программу ППС. При детальном разборе ее отдельных положений (вопрос о земле, налоги и долги, цены, социалистическая реконструкция сельского хозяйства) он использовал не только сам этот документ, но и доклад по аграрному вопросу на XXIII конгрессе ППС профессора Гумпловича. Общий вывод автора статьи был вполне предсказуемым, поскольку он был предопределен уже ее вводной частью: программа ППС по аграрному вопросу – это еще одна попытка обмануть крестьян и увести их от революционной борьбы. Поэтому «революционное рабоче-крестьянское движение, направляя в деревне и в дальнейшем главный огонь против Людовской партии, как главного врага трудящегося крестьянства, должно одновременно усилить борьбу против увеличивших свою активность в деревне ППС и национал-демократии. В первую очередь необходимо на примере конкретной измены вождей ППС разоблачить новый ее маневр, ее новую аграрную программу, рассчитанную на предательство быстро нарастающей революции»⁵².

Со статьей Михальчука прямо перекликалась весьма объемная публикация Б. Тарашкевича о польской деревне в связи с 20-летием начала

⁵⁰ Михальчук Я. Новый обман ППС. (Новая аграрная программа ППС) // Аграрные проблемы. 1934. Кн. 3-4. С. 41.

⁵¹ Там же. С. 41-42.

⁵² Там же. С. 56.

первой мировой войны. Ее основной пафос заключался в том, что предательство ППС и ПСЛ – «Вызволнение» революции в 1918 г. позволили буржуазии удержаться у власти в Польше. Итог ее 16-летнего правления «выражается в чудовишно отрицательном балансе, основные черты которого – ограбление трудящегося крестьянства путем т.н. аграрной реформы и землеустройства; огромный рост перенаселения и скрытой безработицы в деревне; ограбление трудящегося крестьянства при помощи ножниц цен, налогов, штрафов, финансовых монополий, системы отработков (шарварков); крайняя задолженность и небывалая ростовщическая эксплуатация; деградация сельского хозяйства, ужасающая нищета, массовый голод и жесточайший террор»⁵³. Тарашкевич не только констатировал тяжелейшее положение польского крестьянства, но и проиллюстрировал его почерпнутыми из официальной статистики и работ сотрудников Пулавского института сельского хозяйства данными о перераспределении земли по аграрной реформе, землеустроительных работах, скрытой безработице, задолженности, сокращении рождаемости вследствие голода и недоедания. Именно этими причинами объяснял автор статьи активизацию революционной борьбы крестьянства и рост численности рядов КПП с 11,6 тыс. в 1931 г. до 17,8 тыс. членов в 1933 г.⁵⁴.

Примером умелого сочетания серьезного исследования и политической публицистики можно считать статью Я. Михальчука о положении сельскохозяйственных рабочих в Польше. Она была написана на основании сведений, извлеченных из анкеты Союза сельскохозяйственных палат и организаций «О занятости рабочих рук в имениях в воеводствах за 1928/1929 – 1932/1933 гг.», «Статистики pracy», газет «Курьер поранны», «Хлопка правда», «Газета рольница», работы В. Брониковского «Пути прогресса польского крестьянина», монографий отдельных сел. В круг рассмотренных проблем вошли следующие: уменьшение доли постоянных работников в структуре наемной силы, снижение оплаты труда в денежном и натуральном выражении, ликвидация коллективных договоров, рост отработок, борьба сельскохозяйственных рабочих за свои права. В заключение было отмечено, что эта достаточно важная для дела революции социальная группа пока еще не дождалась должного внимания со стороны компартии, что является ее серьезным упущением, а также формулировались задачи коммунистов по работе с сельскохозяйственным пролетариатом⁵⁵.

⁵³ Тарашкевич Б. Польская деревня. (К 20-летию империалистической войны) // Аграрные проблемы. 1934. Кн. 7-8. С. 93.

⁵⁴ Там же. С. 94-104.

⁵⁵ Михальчук Я. Положение сельскохозяйственного пролетариата в Польше в годы кризиса // Аграрные проблемы. 1934. Кн. 9-10. С. 67-87.

В том же номере журнала была помещена еще одна статья о Польше, принадлежащая перу А. Соколовского. Она была посвящена проблемам крестьянского движения в 30-е гг. и по многим позициям перекликалась с уже публиковавшимися статьями Тарашкевича и Михальчука. Ее автор использовал значительный фактический материал из различных польских источников, как-то: работ Пулавского института сельского хозяйства, статистических сборников, периодики. В отличие от предшественников, Соколовский отдельно рассмотрел положение украинского и белорусского крестьянства в Польше. Новым моментом было также его наблюдение, что «если раньше в крестьянском движении доминировали национально-освободительные и антианалоговые элементы, то в настоящее время ... выдвигаются на первый план элементы аграрной революции, т.е. захвата земель, лесов, лугов, экономий, хлеба»⁵⁶. Поэтому особенно много внимания автор уделил активным формам борьбы крестьян: вооруженным восстаниям, партизанскому движению в районе Припяти, а также вопросу о наличии у крестьян оружия. Еще одним важным сюжетом статьи Соколовского стал показ борьбы за крестьянство между людовцами и коммунистами, в которой преимущество, по его убеждению, постепенно переходит к КПП.

Завершалась статья также не совсем традиционно. Вместо традиционного обещания, что в Польше вот- вот начнется социалистическая революция, Соколовский предложил конкретную программу действий КПП в крестьянской среде, согласно которой коммунисты должны были классово просвещать трудящееся крестьянство относительно его истинных целей, формулировать все более далеко идущие требования по улучшению их материального положения, направлять борьбу крестьян против правительства и его деревенского аппарата и т.д. «Там же, где условия для этого созрели, нужно поддерживать и организовывать явочный захват пастбищ, леса, конфисковывать картофель, хлеб, корма, муку из помещичьих амбаров и складов, подводя таким образом это движение вплотную к захвату земли, т.е. к аграрной революции. Вся эта борьба должна быть теснейшим образом увязана с вопросом власти, т.е. свержения фашистского правительства Пилсудского и лозунгом организации рабоче-крестьянского правительства»⁵⁷.

Завершающим аккордом польской проблематики в «Аграрных проблемах» за 1934 г. стал пространный разбор Я. Михальчуком работы сотрудника института аграрного хозяйства Познанского университета В. Кшиштофика о деревне Ясенювка, Сокольского повята в Западной

⁵⁶ Соколовский А. Крестьянское движение в Польше // Аграрные проблемы. 1934. Кн. 9-10. С. 170.

⁵⁷ Там же. С. 176.

Белоруссии, в которой была проведена принудительная комасация. Общий тон рецензии был весьма критическим, и кончалась она общим выводом о провале санационной политики оздоровления земельных отношений с помощью землеустроительных работ⁵⁸.

Огромный интерес к польской проблематике издатели «Аграрных проблем» продемонстрировали и в 1935 г. – как и в 1934 г. 6 публикаций, но они были не столь значительными. Наиболее обстоятельной, несомненно, следует считать статью Я. Михальчука «Состояние сельского хозяйства и крестьянское движение в Польше в 1934 г.». Автором были использованы разнообразные польские источники и литература, в том числе публикации Пулавского института сельского хозяйства, результаты анкетирования, проводившегося различными учреждениями и организациями, официальная статистика, периодическая печать. Констатируя дальнейший незначительный рост промышленной продукции в Польше в 1934 г., автор одновременно отметил, что аграрный кризис не только не ослабел, но еще обострился. Анализ этой тенденции был посвящен отдельный раздел статьи, содержащий разнообразные данные о движении цен на продукцию растениеводства и животноводства, «ножницах цен», частичном неурожае, уровне потребления, состоянии поголовья скота, применении минеральных удобрений и сельскохозяйственных машин.

Второй крупной анализируемой проблемой стало обнищание деревни. В связи с этим был рассмотрен вопрос о доходах и расходах различных групп занятого в сельском хозяйстве населения, свидетельствовавший, по мнению Михальчука, о том, что помещики и кулаки сумели переложить тяготы кризиса на плечи деревенской бедноты. Значительное место заняло описание голода, который поразил даже западные районы страны, еще недавно бывшие крупными экспортерами хлеба, а также последствий наводнения в Краковском воеводстве и на Западной Украине.

Государственная аграрная политика – вот еще одна крупная проблема, рассмотренная Михальчуком. В связи с ней были затронуты вопросы налогообложения сельского хозяйства (соответствующего законодательства и его исполнения), системы отработок крестьян (шарварочной барщины), борьбы с задолженностью деревни и с последствиями наводнения, эксплуатации крестьянства монополистическими объединениями, положения сельскохозяйственных рабочих, а также ограничение экономических и политических прав широких крестьянских масс

⁵⁸ Михальчук Я. Krzysztofik W. Jasiniówka, wieś sokólskiego powiatu. Instytut gospodarki agrarnej Uniwersytetu Poznańskiego // Аграрные проблемы. 1934. Кн. 11-12. С. 155-158.

(постановка кооперации и органов сельскохозяйственного управления под правительственный контроль)⁵⁹.

Значительная часть статьи была посвящена характеристике революционного крестьянского движения. Были описаны забастовка лесных рабочих и возчиков-крестьян в Белостокском воеводстве, три крестьянских стачки на Волыни, антиналоговые выступления в Слонимском округе в Западной Белоруссии, Люблинском и Варшавском воеводствах, борьба крестьян против «молочного декрета», закона о рыбной ловле и закона о самоуправлении, против шарварочной барщины, поджоги помещичьих имений в ответ на кровавые карательные экспедиции властей, акции бойкота проправительственно настроенных учителей, депутатов коммунальных советов, осведомителей полиции, движение безработных и голодающих, самовольные вырубки лесов, обмолачивание помещичьих скирд, массовое воровство. Михальчук обратил внимание на все более активное участие в крестьянских выступлениях женщин и молодежи, указав на события в Уховецке под Ковелем, в Илжецком, Ченстоховском, Козеницком, Любартовском, Радомском, Пулавском повятах, борьбу молодежи Западной Украины и Западной Белоруссии за право учиться на родном языке.

И все же, констатировалось в статье, «революционное крестьянское движение в Польше в 1934 г. носило гораздо более распыленный характер, чем в 1932 и 1933 гг. Большинство выступлений ограничивалось пределами одной, а самое большее нескольких соседних деревень». Причинами этого автор считал кровавые карательные экспедиции властей не только на восточных окраинах, но и в коренной Польше, более гибкую политику правительства в области ликвидации задолженности, помощи голодающим и т.д., отсутствие надлежащей связи между пролетарским и крестьянским движением, что используется Стронництвом людowym для подрыва рабоче-крестьянского союза, наконец, «левацкие ошибки, допущенные отдельными коммунистическими организациями в деревне (пренебрежительное отношение к стихийным формам борьбы и к требованиям, выдвигаемым крестьянскими массами)⁶⁰.

Зато, отмечал Михальчук, активизировалось забастовочное движение сельскохозяйственных рабочих, хотя и оно носило характер обособленных выступлений и по размаху уступало борьбе крестьян. Им были перечислены забастовки постоянных и сезонных сельскохозяйственных рабочих в 11 повятах этнической Польши, Волыни и Западной Белоруссии.

⁵⁹ Михальчук Я. Состояние сельского хозяйства и крестьянское движение в Польше в 1934 г. // Аграрные проблемы. 1935. Кн. 1-2. С. 108-120.

⁶⁰ Там же. С.121.

Из числа других свидетельств радикализации деревни автор считал необходимым назвать три, как наиболее характерные. Во-первых, некоторую кристаллизацию крестьянских писателей, о полевлении которых свидетельствует резолюция, принятая на съезде народных (людовских) литераторов. Во-вторых, большой интерес польской деревни к социалистическому строительству в СССР, который выявила широкая дискуссия в польской печати, особенно в крестьянской, вокруг вопроса о колхозах. В этой связи он, в частности, назвал демагогическим «известные выступления Полещука». В качестве примера изменения оценки левыми польскими силами социалистических преобразований в сельском хозяйстве СССР Михальчук назвал позицию Т. Ночницкого, изложенную им в октябрьском 1934 г. номере «Млодей мысли людовой», а также пепезовской газеты «Хлопская правда». В-третьих, процессы полевления в рядах Стронництва людового и Союза сельской молодежи «Вици», о чем, по его словам, свидетельствует то, что проправительственная группа Вроны в СЛ пыталась прикрыть свой действительный характер «разнузданной левой фразеологией», критикой капитализма и поддержкой идеи рабоче-крестьянского союза. О полевлении людовцев говорит и участие рядовых членов СЛ в акции единого фронта в защиту Э. Тельмана, и платформа крестьянской молодежи, принятая на конференции в Ропчицком повяте, и выступление за единый фронт с коммунистами нескольких десятков кружков на воеводском съезде «Вици» в Люблине, и т.д.

Полевление людовского движения, полагал автор статьи, позволяет КПП развернуть деятельность по «развитию массовой оппозиции в массовых крестьянских кооперативных, политических, культурно-просветительных и т.п. организациях, особенно в организациях, охваченных влиянием Народной партии, и в самой Народной партии. Это чрезвычайно важный вопрос, если принять во внимание, что одни сельскохозяйственные кооперативы насчитывают 2-3 млн. членов, пожарная охрана насчитывает 400 тыс. крестьян, католическое объединение молодежи, в котором имеется прежде всего крестьянская молодежь, насчитывает 300 тыс. членов. Народная партия вместе со своими подсобными организациями (профсоюз земледельцев и профсоюз деревенской молодежи «Вици» охватывает 200-250 тыс. организованных членов. Низы этих организаций все более освобождаются от опеки помещичье-кулацкого руководства. Тем более коммунисты должны усилить оппозиционную работу в этих организациях, создавая одновременно всякого рода самостоятельные массовые крестьянские организации»⁶¹. То есть, Михальчук говорил о диверсии КПП в отношении

⁶¹ Там же. С.128.

людовского движения, которая была практически не возможна из-за ограниченного влияния коммунистов в деревне и недостаточной привлекательности их аграрной программы для крестьян.

В следующей книжке редколлегия журнала поместила несколько материалов, имевших отношение к проблемам польского села и крестьянского движения. Главным, несомненно, была пространная рецензия Я. Михальчука на изданные Институтом общественного хозяйства «Мемуары крестьян» (*Pamiętniki chłopów*). Автор рецензии весьма строго осудил издателей за тенденциозный, по его мнению, отбор крестьянских жизнеописаний для публикации, за нежелание печатать свидетельства политического содержания, за ограничение круга потенциальных участников конкурса только читателями правительственной и людовской прессы, за то, что «конкурс ... имел целью прозондировать настроения крестьянской массы, дабы облегчить буржуазии успешную борьбу с революционным крестьянским движением»⁶².

Но содержание самих мемуаров Михальчук оценил весьма высоко, назвав их «обвинением по адресу фашизма, ответственного за чрезмерные страдания и нищету широких крестьянских масс буржуазной Польши»⁶³. Именно под этим углом зрения им и было проанализировано содержание этого фундаментального источника по истории польского села по следующим позициям: экономическое положение деревни, крестьянский быт, неуверенность в завтрашнем дне, политические настроения и фашистский террор⁶⁴.

В том же номере в разделе «Хроника» была опубликована информация по двум сюжетам. Во-первых, сообщение о II съезде людовских писателей Польши, продемонстрировавшем полевание «передовой части крестьянских писателей», а также резолюции I и II писательских съездов⁶⁵. Во-вторых, описание борьбы польских крестьян с т.н. шарварочной барщиной, в частности выступления в мае – июне 1935 г. в Сувалкском повяте. Были также приведены данные о размерах этой повинности и ее тяжести для крестьян⁶⁶.

Развивая тему, затронутую в 1-2 книжке «Аграрных проблем» за 1935 г., Я. Михальчук предложил вниманию читателей специальный обзор, посвященный откликам в Польше на коллективизацию в СССР. Его

⁶² Михальчук Я. «Крестьянские мемуары» (польская деревня в свете крестьянских жизнеописаний). История одной книжки // Аграрные проблемы. 1935. Кн. 3. С. 68-70.

⁶³ Там же. С. 71.

⁶⁴ Там же. С. 72-86.

⁶⁵ Хроника. Польша // Аграрные проблемы. 1935. Кн. 3. С. 152.

⁶⁶ Там же. С. 153-154.

основная идея заключалась в положении, что неподдельный интерес польских крестьян и рабочих к социалистическому переустройству аграрного сектора заставил ППС и Стронництво людвое изменить свой тон в отношении коллективизации. С этой целью им были использованы статьи из пепезовской («Хлопска правда», «Роботник», «Левы тор»), людовской (статьи Т. Ночницкого за 1933 и 1934 гг., С. Милковского, Ю. Нечьки в «Млодей мысли людовой») и проправительственной («Курьер поранны», «Газета польска», «Рольництво») периодики.

Ярким свидетельством популярности идеи коллективизации в Польше Михальчук назвал попытки организации производственных кооперативов в Радеховском уезде и имении Копцёвице в Верхней Силезии. Но интенции их создателей он подверг резкой критике, поскольку фашистское государство не может организовать подлинные коллективные хозяйства, а только кулацкие кооперативы или «лагеря принудительного труда»⁶⁷.

Последней публикацией 1935 г. по польской проблематике стал подготовленный Я. Михальчуком на основании четырех польских работ обзор, посвященный показу жизни различных групп трудящихся в Польше. Для этого им были привлечены следующие труды: И. Михаловский. «В деревне нет работы», Э.Крахельская, С. Прусс. «Жизнь безработных», А. Минковская. «Безработная семья», А. Арнекер. «Проявления кризиса в ремесле и домашних промыслах»⁶⁸. Уже сам подбор работ предопределял содержание и заключительный вывод обзора, однозначно негативный для буржуазного польского государства.

Анализ представления проблем сельского хозяйства и крестьянского движения в Польше на страницах журнала «Аграрные проблемы» за 1927-1935 г. позволяет сделать вывод о том, что его редколлегия и авторы последовательно стремились придерживаться установок, сформулированным создателями Международного аграрного института в Москве в 1926 г. То есть, с одной стороны, давать выверенную информацию о процессах, происходящих в польском сельском хозяйстве, а с другой, служить делу революционного воспитания крестьянства. На практике такое совмещение задач оказалось мало результативным. Анализ развития сельского хозяйства сводился чаще всего к акцентированию переживаемых им трудностей и критике правительственных мероприятий в аграрной сфере, в результате чего из поля зрения авторов журнала чаще всего исчезали происходившие там позитивные перемены. В таких

⁶⁷ Михальчук Я. Отклики в Польше на коллективизацию в СССР // Аграрные проблемы. 1935. Кн. 4. С. 130-137.

⁶⁸ Михальчук Я. Как живут трудящиеся Польши под властью фашизма // Аграрные проблемы. 1935. Кн. 5-6. С. 158-173.

условиях не представлялось возможным дать объективную картину состояния польского сельского хозяйства.

Еще хуже обстояло дело с анализом состояния крестьянского движения в Польше. В этом вопросе редколлегия журнала находилась в полной зависимости от установок Коминтерна по аграрному вопросу, вопросу о революции, союзниках пролетариата и т.д. Поэтому за весь рассматриваемый период в журнале не было напечатано ни одной статьи, которая бы в истинном свете показала состояние политической организации польского крестьянства, его основные партии, их программы и методы борьбы за интересы крестьянства.

Говоря о несомненной тенденциозности редколлегии и авторов журнала при отборе и подаче материала о польском сельском хозяйстве и крестьянском движении, вместе с тем нельзя не отметить, что «Аграрные проблемы» все же предоставляли заинтересованному читателю достаточно большой объем достоверных, пусть и односторонне подобранных, фактов, знакомили с наиболее заметными публикациями польских экономистов-аграрников. В настоящее время в России нет ни одного периодического издания, включая интернет, которое давало бы близкую по объему информацию не то что о польском сельском хозяйстве, но и о Польше в целом.